

Молодые господа — сыновья наложниц — селились во втором дворе, тогда как сами господа занимали четвертый. Между их покоями раскинулся сад с беседками и павильонами. В своё время Цзин Юньшу, сославшись на предсказание даоса Баоян-цзы из монастыря Белого Облака, выхлопотал себе отдельное жильё. Старшая госпожа тогда охотно ухватилась за этот предлог, чтобы спровадить его с глаз долой. Так он оказался в Дворе Чистого Бамбука — уединённой, глухой усадьбе, дорога к которой как раз лежала через этот небольшой сад.

Заметив незнакомую женщину, Юньшу не выказал ни малейшего желания здороваться. К тому же его сопровождали двое посторонних мужчин — Чжун И и Чэнь Лян, а потому задерживаться здесь и вовсе не следовало.

Лишь управляющий Ван Фу, чья безупречная учтивость не позволяла допустить даже малейшей оплошности, на ходу почтительно сложил руки в приветствии, но шагу не убавил.

Цзин Юньшу молча подметил это отношение.

«Похоже, её положение в доме весьма зыбко», — подумал он.

Должно быть, это и есть та самая Ли Ацзяо, о которой в своём письме из Сада Су упоминал Мао Юн. Бывшая куртизанка-певица высшего разряда из столичного ведомства развлечений, услаждавшая слух гостей пением и игрой на цине, но не торговавшая телом. Глава семейства, Юнь Буши, ласково величал её прелестной госпожой Ли.

В здешних весёлых кварталах и домах свиданий девиц делили на четыре разряда: низшие торговали телом на грязных улицах, а высшие — «певицы-сказительницы» — блистали талантами. Такая искусница должна была превосходно владеть каллиграфией, играть на цине, слагать стихи и обладать безупречной грацией. Из их числа выбирали красивейших куртизанок, чьей благосклонности искали благородные мужи и утончённые поэты.

Но какова бы ни была слава этой красавицы, для закона она оставалась лицом подлого сословия. Уголовный кодекс строго-настрога запрещал брать таких женщин в законные наложницы. Выходит, Ли Ацзяо не могла претендовать даже на скромный титул младшей жены. По сути, она приравнивалась к обычным служанкам, причём уступала тем, кто происходил из благопорядочных семей. Управляющий Ван Фу проявил к ней толику уважения лишь потому, что её пока ещё баловал хозяин дома.

Цзин Юньшу, будучи хоть и побочным, но всё же сыном господина, официально считался её хозяином, а потому не обязан был церемониться. Он предпочёл бы пройти мимо, не затеяв ссоры, однако у женщины на этот счёт имелись свои соображения. Стоило процессии двинуться дальше, как Прелестная госпожа Ли, демонстративно выпятив живот, лениво поплыла им наперерез. Она так усердно покачивала бёдрами, словно боялась, что кто-то упустит из виду её интересное положение.

Ли Ацзяо давно прослышала о скором возвращении третьего молодого господина. Её новые служанки, Яоцин и Юэцин, не заставшие прежних времён, пересказывали ей хозяйские

сплетни. Из их обрывочных рассказов выходило, что Юньшу — жалкий доходяга, который в детстве провалился под лёд и на всю жизнь остался калекой. Шептались даже, будто он лишился мужской силы и никогда не сможет продолжить род, оттого-то до сих пор и не женат — а ведь лицом, говорят, удался на славу.

Ей до смерти хотелось взглянуть на этого калеку лично, но она никак не ожидала, что безродный бастард окажется столь высокомерным.

Ли Ацзяо уже приготовилась преградить ему путь, как вдруг краем глаза заметила показавшуюся на галерее Старшую госпожу Ван. Тотчас изменив намерения, она сделала несколько быстрых шагов вперёд и притворно-громко запричитала:

— Ой-ой, что это за молодой барин к нам пожаловал? И куда же вы так спешите с целым обозом сундуков? Неужто везёте невиданные сокровища и боитесь, как бы их по дороге не отобрали?

Чжихуа украдкой оглянулась и шепнула:

— Молодой господин, эта женщина часом не нам ли вслед язвит?

— Не обращай внимания, — сухо отозвался Цзин Юньшу.

Видя, что её слова попросту проигнорировали, Ли Ацзяо вспыхнула от досады. Скосив взгляд на приближающуюся Старшую госпожу, она прикрикнула:

— Управляющий Ван! Что за сброд вы водите по усадьбе? С каких это пор во внутренние покои пускают посторонних мужчин?

Ван Фу недовольно поморщился и покосился на Цзин Юньшу. Тот стоял неподвижно, устремив на него пронизывающий, едва заметно насмешливый взгляд. Он смотрел с холодной, чистой глубиной, а его глаза были чёрными, как обсидиан.

Управляющего внезапно обдало ознобом. Под этим пристальным взглядом ему показалось, будто молодой господин видит его насквозь — каждую постыдную тайну, каждую трусливую мысль. На мгновение у Ван Фу даже перехватило дыхание. Опомнившись, он судорожно вздохнул. «Неужто Юньшу решил, будто я нарочно натравил на него эту девку, чтобы поглумиться?» — испуганно пронеслось в его голове.

Он поспешил вкрадчиво зашептать:

— Третий молодой господин слишком долго отсутствовал в столице и, верно, не знает её. Это госпожа Ли Ацзяо, которую хозяин поселил в Павильоне Сяоян. Она носит под сердцем дитя и обычно не покидает своих покоев. Должно быть, сегодня выдался погожий денёк, вот она и

решила... — Ван Фу, подражая знатым господам, умело оборвал фразу на полуслове, предоставляя собеседнику самому додумать остальное.

Это было очевидной попыткой загладить вину, но Цзин Юньшу не собирался облегчать ему жизнь. Он тонко и едва уловимо усмехнулся с горделивым превосходством и ледяным пониманием. Однако это сложное выражение тут же сошло с его лица. Он слегка склонил голову набок, удивлённо приподнял брови и с чисто юношеским простодушием негромко промолвил:

— Какая забавная у вас логика, почтенный управляющий. Эта Прелестная госпожа Ли, что находится уже на четвёртом месяце беременности, обратилась напрямую к вам. Неужто вы хотите, чтобы за вас отвечал я?

Недавно скончался любимый младший брат императора, принц Жонян. Дабы не подрывать хозяйство страны, простому люду предписывалось держать траур всего три дня, тогда как чиновники обязаны были скорбеть целых три месяца. На грех, именно в это запретное время Ли Ацзяо понесла. И хотя в столице процветала мода на домашних наложниц-певиц, приводить в дом казённую куртизанку в дни всеобщего плача считалось делом неслыханным и постыдным. Благопристойный Юнь Буши никогда бы не пошёл на столь безрассудный шаг добровольно. Очевидно, Ли Ацзяо пригрозила ему оглаской, вынудив выкупить её из ведомства развлечений и ввести в усадьбу вопреки приличиям.

Сейчас, на исходе двенадцатого месяца, всем объявляли, будто Прелестная госпожа Ли беременна всего два месяца, хотя на самом деле шёл уже четвёртый. Это деликатное дело улаживал лично Ван Фу, и никто, кроме него, не должен был знать правды... Откуда же третьему молодому господину известны такие подробности? Глядя на невинное, почти детское лицо Цзин Юньшу, управляющий ощутил, как по спине пробежал ледяной пот. Этот юноша годами не показывался в усадьбе, но знал каждый грязный секрет её обитателей! Что ещё ему известно?

Словно прочитав его мысли, Цзин Юньшу мягко добавил:

— Все мы в этой усадьбе плывём в одной лодке. Слава семьи — наша общая слава, её позор — наш общий позор. Мне выпала честь родиться под крышей дома Юнь, пусть даже я редко здесь бываю и не люблю мешаться в чужие дела. Если по неведению я совершу какую-нибудь оплошность, надеюсь, почтенный управляющий вовремя меня поправит.

Намёк был предельно ясен: Цзин Юньшу напоминал, что в его жилах течёт кровь хозяина усадьбы. Если Ван Фу вздумает доносить или строить козни, ему стоит хорошенько подумать, кому Юнь Буши поверит скорее — безродному слуге или родному сыну. К тому же хозяин мог заподозрить самого управляющего в болтливости.

Поскольку молодой господин никогда не вмешивался в дела усадьбы, выбалтывать тайну ему тоже не было расчёта. Управляющий перевёл дух, окончательно растеряв остатки прежнего пренебрежения, и согнулся в ещё более угодливом поклоне. Их безмолвное противостояние,

хоть и потребовало многих слов для описания, на деле завершилось в одно мгновение.

Сделав шаг вперёд, Ван Фу обратился к Ли Ацзяо:

— Госпожа Ли, вы ошибаетесь, это вовсе не чужаки. Позвольте представить вам третьего молодого господина Юньшу, сына матушки Ань.

— О чём вы здесь толкуете? — раздался размеренный, властный голос.

Наконец в сад вошла Старшая госпожа Ван, мгновенно оценив обстановку.

Ли Ацзяо с явной неохотой опустила в поклоне, но госпожа Ван царственным жестом остановила её:

— Оставь приличия, Госпожа Ли. Ты носишь дитя, тебе ни к чему утруждать себя поклонами.

Ли Ацзяо только этого и ждала. Она небрежно выпрямилась, даже не попытавшись изобразить искреннюю признательность. Стоявшая за спиной Старшей госпожи старая няня Чан проводила её презрительным взглядом.

Поскольку госпожа Ван была законной супругой его отца и хозяйкой дома, Цзин Юньшу не мог проигнорировать её появление. Сделав несколько шагов навстречу, он учтиво склонился:

— Приветствую вас, матушка. Желаю вам здоровья.

Старшая госпожа подарила супругу двоих сыновей и трёх дочерей. Первенец Юнь И, занимавший Двор Сосны и Кипариса, а также старшие дочери Юнь Жулань и Юнь Жучжу давно обзавелись собственными семьями и разъехались. При матери оставались лишь близнецы: болезненный от рождения четвёртый сын Юнь Кан и младшая дочь Юнь Жухэ.

Окружённая взрослыми наследниками, госпожа Ван пользовалась непререкаемым авторитетом в доме. Её положение было столь прочным, что ей не требовалось опускаться до мелких пакостей против детей наложниц. К Цзин Юньшу она не питала материнской нежности, но и не выказывала холодности, дабы не давать слугам повода для сплетен. К тому же Юньшу исправно присылал ей дорогие подарки к каждому празднику.

Она благожелательно и светски улыбнулась:

— С возвращением, Сань-лан. Здоровье у тебя слабое, так что не утруждай себя и ступай отдыхать.

— Благодарю за заботу, матушка, — смиренно ответил юноша. Однако затем он перевёл взгляд на притихшую Ли Ацзяо и с недоумением добавил: — Одно лишь мне неясно: кто эта почтенная госпожа? Она преградила мне дорогу, заявив, будто в дом проникли посторонние мужчины, и наотрез отказалась меня пропускать.

Ли Ацзяо опешила. Она никак не ожидала, что этот тихий юноша нанесёт удар первым и без зазрения совести обвинит её перед хозяйкой дома.

— Какая бесстыдная ложь! — взвизгнула она. — Молодой господин, как у вас язык повернулся оговорить меня? Я — слабая женщина, разве под силу мне преградить путь мужчинам?

— Вы носите дитя, — с тихой обидой и деланным смущением возразил Юньшу. — Разве смели мы сделать хоть шаг, когда вы стояли прямо перед нами? Не дай бог задела бы вас ненароком.

— Да как ты... — задохнулась от ярости Ли Ацзяо, не находя слов.

— Додовольно, Госпожа Ли. Не забывайся, — холодно осадил её Старшая госпожа, после чего повернулась к пасынку: — Это новая сожительница твоего отца, из рода Ли. — Затем она строго приказала притихшей фаворитке: — Госпожа Ли, перед тобой третий молодой господин, Юньшу, хозяин Двора Чистого Бамбука.

Ли Ацзяо густо покраснела, но быстро справилась с собой и, притворно потупившись, заговорила ележным голосом:

— Ах, так это третий молодой господин! Прошу простить мою глупость. Я лишь увидела, как в усадьбу вносят столько сундуков, а идущие следом господ так спешат, будто укрывают что-то. Я кликнула их, да никто и ухом не повёл. Вот и подумала в простоте душевной, уж не растаскивают ли наше семейное добро...

Цзин Юньшу устремил на неё долгий, немигающий взгляд. В его тёмных глазах сквозила такая леденящая бездна, что слова застряли у женщины в горле. Ли Ацзяо испуганно осеклась и судорожно сжала в кулаке шёлковый платок.